

В.Г. БЕЛИНСКИЙ
(1811—1848)

**Ничто о ничем, или отчет г. издателю
«Телескопа»
за последнее полугодие (1835) русской
литературы⁶³**

<...> «Библиотека для чтения» начинает уже *третий* год своего существования, и, что очень важно, она нисколько не изменяется ни в объеме, ни в достоинстве своих книжек, ни в духе и характере своего направления; она всегда верна себе, всегда равна себе. Всегда согласна с собою; словом, идет шагом ровным, поступью твердою, всегда по одной дороге, всегда к одной цели; не обнаруживает ни усталости, ни страха, ни непостоянства. Все это чрезвычайно важно для журнала, все это составляет необходимое условие существования журнала и его постоянного кредита у публики; в то же время это показывает, что «Библиотекою» дирижирует один человек, и человек умный, ловкий, сметливый, деятельный — качества, составляющие необходимое условие журналиста; ученость здесь не мешает, но не составляет необходимого условия журналиста, для которого в этом отношении гораздо важнее, гораздо необходимее универсальность образования, хотя бы поверхностного, многосторонность познаний, хотя бы и поверхностных, энциклопедизм, хотя бы и мелкий. О «Библиотеке»

⁶³ «Ничто о ничем...». Впервые опубликовано в «Телескопе» (1836. № 1—4). Статья написана в форме отчета издателю «Телескопа» Н.И. Надеждину. В ней дается оценка ряда журналов и утверждается такое качество журнала, как единое направление.

писали и пишут, на нее нападали и нападают, сперва враги, а наконец, и друзья, поклявшиеся ей в верности до гроба, пожертвовавшие ей собственными выгодами, разумеется, в чаянии больших от союза с сильным и богатым собратом; а «Библиотека» все-таки здравствует, смеется (большею частью молча) над нападениями своих противников! — В чем же заключается причина ее неимоверного успеха, ее неслыханного кредита у публики? — Если бы я стал утверждать, что «Библиотека» журнал плохой, ничтожный, это значило бы смеяться над здравым смыслом читателей и над самим собою: факты говорят лучше доказательств; и первенство и важность «Библиотеки» так ясны и неоспоримы, что против них нечего сказать. Гораздо лучше показать причины ее могущества, ее авторитета. На «Библиотеку», на Брамбеуса и на Тютюнджи-оглу,⁶⁴ что все почти тождественно, было много нападков, часто бессильных, иногда сильных, было много атак, часто неверных, иногда впадал, но всегда бесполезных. Не знаю, прав я или нет, но мне кажется, что я нашел причину этого успеха, столь противоречащего здравому смыслу и так прочного, этой силы, так носящей в самой себе зародыш смерти, и так постоянной, так не слабеющей. Не выдаю моего открытия за новость, потому что оно может принадлежать многим; не выдаю моего открытия и за орудие, долженствующее быть смертельным для рассматриваемого мною журнала потому что истина не слишком сильное оружие там, где еще нет литературного общественного мнения. «Библиотека» есть журнал *провинциальный* — вот причина ее силы. <...>

Я сказал, что тайна постоянного успеха «Библиотеки» заключается в том, что этот журнал есть по

⁶⁴ Брамбеус, Тютюнджи-оглу — псевдонимы О.И. Сенковского.

преимуществу журнал *провинциальный*, и в этом отношении невозможно не удивляться той ловкости, тому умению, тому искусству, с какими он приноравливается и подделывается к провинции. Я не говорю уже о постоянном, всегда правильном выходе книжек, одном из главнейших достоинств журнала; остановлюсь на числе книжек и продолжительности срока их выхода. Я думал прежде, что это должно обратиться во вред журналу; теперь вижу в этом тонкий и верный расчет. Представьте себе семейство степного помещика, семейство, читающее все, что ему попадется, с обложки до обложки; еще не успело оно дочитать до последней обложки, еще не успело перечесть, где принимается подписка и оглавление статей, составляющих содержание номера, а уж к нему летит другая книжка, и такая же толстая, такая же жирная, такая же болтливая, словоохотливая, говорящая вдруг одним и несколькими языками. И в самом деле, какое разнообразие! — Дочка читает стихи гг. Ершова, Гогниева, Струговщикова и повести гг. Загоскина, Ушакова, Панаева, Калашникова и Масальского; сынок, как член нового поколения, читает стихи г. Тимофеева и повести Барона Брамбеуса; бабушка читает статьи о двухпольной и трехпольной системе, о разных способах удобрения земли, а матушка о новом способе лечить чахотку и красить нитки; а там еще остается для желающих критика, литературная летопись, из которых можно черпать горстями и пригорошнями готовые (и часто умные и острые, хотя редко справедливые и добросовестные) суждения о современной литературе; остается пестрая, разнообразная смесь; остаются статьи ученые и новости иностранных литератур. Не правда ли, что такой журнал — клад для провинции?..

Но постойте, это еще не все: разнообразие не мешает и столичному журналу и не может служить исключительным признаком провинциального. Бросим взгляд на каждое отделение «Библиотеки», особенно и по порядку. Стихотворения занимают в ней особое и большое отделение: под многими из них стоят громкие имена, каковы Пушкина, Жуковского; под большею частью стоят имена знаменитостей, выдуманных и сочиненных наскоро самою «Библиотекою»; но нет нужды; тут все идет за знаменитость; до достоинства стихов тоже мало нужды; имена, под ними подписанные, ручаются за их достоинство, а в провинциях этого ручательства слишком достаточно. То же самое в отношении имен должно сказать, и о русских повестях: иностранные подписаны именами, которые для провинций непременно должны казаться громкими, хотя бы и не были громки на самом деле; подписаны именами журналов, громких и известных во всем мире. То же должно сказать и о прочих отделениях «Библиотеки». Теперь скажите, не большая ли это выгода для провинций? — Вам известно, как много и в столицах людей, которых вы привели бы в крайнее замешательство, прочтя им стихотворение, скрывши имя его автора и требуя от них мнения, не высказывая своего; как много и в столицах людей, которые не смеют ни восхититься статьею, ни осердиться на нее, не заглянув на ее подпись. Очень естественно, что таких людей в провинциях еще больше, что люди с самостоятельным мнением попадают туда случайно и составляют там самое редкое исключение. Между тем и провинциалы, как и столичные жители, хотят не только читать, но и судить о прочитанном, хотят отличаться вкусом, блистать образованностью, удивлять своими суждениями, и они делают это, делают очень легко, без

всякого опасения компрометировать свой вкус, свою разборчивость, потому что имена, подписанные под стихотворениями и статьями «Библиотеки», избавляют их от всякого опасения посадить на мель свой критицизм и обнаружить свое безвкусие, свою необразованность и невежество в деле изящного. А это не шутка! — В самом деле, кто не признает проблесков гения в самых сказках Пушкина потому только, что под ними стоит это магическое имя «Пушкин»? То же и в отношении к Жуковскому. А чем ниже Пушкина и Жуковского гг. Тимофеев и Ершов? Их хвалит «Библиотека», лучший русский журнал, и принимает в себя их произведения? — Может ли быть посредственна или нехороша повесть г. Загоскина? Ведь г. Загоскин — автор «Милославского» и «Рославлева», а в провинции никому не может прийти в голову, что эти романы, при всех своих достоинствах, теперь уже не то, чем были, или по крайней мере чем казались некогда. Может ли быть не превосходна повесть г. Ушакова, автора «Киргиз-Кайсака», «Кота Бурмосека», бывшего сотрудника «Московского телеграфа», сочинителя длинных, скучных и ругательных статей о театре? Провинция и подозревать не может, чтоб знаменитый г. Ушаков теперь был уволен из знаменитых вчистую. Кто усумнится в достоинстве повестей гг. Панаева, Калашникова, Масальского? — Да, в этом смысле «Библиотека» — журнал провинциальный!

<...> Я не хочу нападать на явное отсутствие добросовестности и благонамеренности в критическом отделении «Библиотеки», не хочу указывать на беспрестанные противоречия, на какое-то хвастовство уменьем смеяться над всем, над приличием и истиною, обо всем этом много говорили другие, и мне почти ничего не оставили сказать. Скажу только, что

недобросовестность критики «Библиотеки» заключается в какой-то непонятной и высшей причине, кроме обыкновенных и пошлых журнальных отношений. Г. Тютюнджи-оглу ненавидит всякой род истинной славы, гонит с ожесточением все, что ознаменовано талантом, и оказывает всевозможное покровительство посредственности и бездарности: гг. Булгарин и Греч у него писатели превосходные, таланты первостепенные, а г. Гоголь есть русский Поль-де-Кок⁶⁵, конечно, нейдет ни в какое сравнение с этими гениями <...>

Но не одной недобросовестностью удивляет отделение «Критики» в «Библиотеке»: оно, сверх того, носит на себе отпечаток какой-то посредственности, какой-то скудости, негибкости и нерастяжимости ума, которого не становится даже на несколько страниц. Но наш критик умеет этому помочь: на две строки своего сочинения он выписывает две, три, четыре страницы из разбираемой книги, и этим часто избавляет себя от больших затруднений. Да и в самом деле, что бы он стал писать, он, для которого не существует никаких теорий, никаких систем, никаких законов и условий изящного? <...>

Поспешу к «Московскому наблюдателю» <...>
Благонамеренность и талант или умение, к несчастью, не одно и то же!..

Журнал должен иметь прежде всего физиономию, характер; альманачная безличность для него всего хуже. Физиономия и характер журнала состоят в его направлении, его мнении, его господствующем учении, которого он должен быть органом. У нас в России могут быть только два рода журналов — ученые и литературные; говоря, могут быть, я хочу сказать — могут приносить пользу. Журналы собственно ученые у

⁶⁵ *Поль де Кок* (1793—1871) — французский писатель.

нас не могут иметь слишком обширного круга действия; наше общество еще слишком молодо для них. Собственно литературные журналы составляют настоящую потребность нашей публики; журналы учено-литературные, искусно дирижируемые, могут приносить большую пользу. Теперь, какие мнения, какое учение должно господствовать в наших журналах, быть главным их элементом? Отвечаем, не задумываясь: литературные, до искусства, до изящного относящиеся. Да — это главное! Вы хотите издавать журнал, с тем чтобы делать пользу своему отечеству, так узнайте ж прежде всего его главные, настоящие, текущие потребности. У нас еще мало читателей: в нашем отечестве, составляющем особенную, шестую часть света, состоящем из шестидесяти миллионов жителей, журнал, имеющий пять тысяч подписчиков, есть редкость неслыханная, диво дивное. Итак, старайтесь умножить читателей: это первая и священнейшая ваша обязанность. Не пренебрегайте для того никакими средствами, кроме предосудительных, наклоняйтесь до своих читателей, если они слишком малы ростом, пережевывайте им пищу, если они слишком слабы, узнайте их привычки, их слабости и, соображаясь с ними, действуйте на них. В этом отношении нельзя не отдать справедливости «Библиотеке»: она наделала много читателей; жаль только, что она без нужды слишком низко наклоняется, так низко, что в рядах своих читателей не видит никого уж ниже себя; крайности во всем дурны; умейте наклониться и заставьте думать, что вы наклоняетесь, хотя вы стоите и прямо. Потом, вторая ваша обязанность: развивая и распространяя вкус к чтению, развивать вместе и чувство изящного. Это чувство есть условие человеческого достоинства: только при нем возможен

ум, только с ним ученый возвышается до мировых идей, понимает природу и явления в их общности; только с ним гражданин может нести в жертву отечеству и свои личные надежды и свои частные выгоды; только с ним человек может сделать из жизни подвиг и не сгибаться под его тяжестью. Без него, без этого чувства, нет гения, нет таланта, нет ума — остается один пошлый «здравый смысл», необходимый для домашнего обихода жизни, для мелких расчетов эгоизма. <...> Цивилизация тогда только имеет цену, когда помогает просвещению, а, следовательно, и добру — единственной цели бытия человека, жизни народов, существования человечества. Погодите, и у нас будут чугунные дороги и, пожалуй, воздушные почты, и у нас фабрики и мануфактуры дойдут до совершенства, народное богатство усилится; но будет ли у нас религиозное чувство, будет ли нравственность — вот вопрос! Будем плотниками, будем слесарями, будем фабрикантами; но будем ли людьми — вот вопрос!

Чувство изящного развивается в человеке самым изящным, следовательно, журнал должен представлять своим читателям образцы изящного; потом, чувство изящного развивается и образуется анализом и теорией изящного, следовательно, журнал должен представлять критику. Там, где есть уже охота к искусству, но где еще зыбки и шатки понятия об нем, там журнал есть руководитель общества. Критика должна составлять душу, жизнь журнала, должна быть постоянным его отделением, длиною, не прерывающеюся и не оканчивающеюся статьею. И это тем важнее, что она для всех приманчива, всеми читается жадно, всеми почитается украшением и душой журнала. Первая

ошибка «Наблюдателя»⁶⁶ состоит в том, что он не сознавал важности критики, что он как бы изредка и неохотно принимается за нее. Он выключил из себя библиографию, эту низшую, практическую критику, столь необходимую, столь важную, столь полезную и для публики и для журнала. Для публики здесь та польза, что, питая доверенность к журналу, она избавляется и от чтения и от покупки дурных книг, и в то же время, руководимая журналом, обращает внимание на хорошие; потом, разве по поводу плохого сочинения нельзя высказать какой-нибудь дельной мысли, разве к разбору вздорной книги нельзя привязать какого-нибудь важного суждения? Для журнала библиография есть столько же душа и жизнь, сколько и критика. «Библиотека» очень хорошо поняла эту истину, и за то браните ее как угодно, а у ней всегда будет много читателей. <...>

*Белинский В.Г. Полн. собр. соч., В 13 т.,
М., 1953. Т. 2. С. 16—48.*

⁶⁶ «Наблюдатель» — имеется в виду журнал «Московский наблюдатель».